

Саморазрушение

Автор: [Cold in Gardez](#)

Оригинал: [The Destruction of the Self](#)

Баквит

Просыпаясь, я думаю о том, как было бы здорово, окажись я сегодня фермером. Спринг Хис спит рядом — лиловый силуэт в полутьме. Я слегка толкаю её носом, на случай если она не прочь подурачиться, но, что-то пробормотав, она отодвигается чуть дальше.

Ну, похоже наступило утро. Я оставляю её досыпать и начинаю готовиться к новому дню.

Без жеребят дом хранит молчание. Ни грохота, доносящегося из спален, ни хлопанья дверей, ни пронзительных воплей — «Прости, папа, совсем забыли сказать, мы сегодня идём на экскурсию и нам нужно взять с собой больше еды!».

Тихо и мирно. Так тихо, что даже с того места на кухне, где я сижу, потягивая кофе, слышно, как в гостиной тикают большие старинные часы.

Спринг Хис спускается по лестнице, она только проснулась, её шёрстка и грива ещё не причёсаны. Я показываю копытом на исходящую паром чашку, ждущую её на столе, и она улыбается.

Надеюсь, сегодня я буду фермером.

— Баквит! — распорядитель называет моё имя, и я выступаю вперёд. Сердце начинает биться чаще и, несмотря на прохладу весеннего утра, я чувствую первые капельки пота, бегущие по бокам.

Только бы фермер. Только бы фермер.

Кобылка, назвавшая моё имя, сидит за раскладным столиком, установленным на деревянной площади. За ухом у неё карандаш, а грива, несмотря на ранний час, уже растрёпана.

Я приближаюсь, а она вертит в копытцах бумажную бирку с моим именем. Её взгляд совершает странные перемещения – с меня на список имён, лежащий перед ней на столе, затем снова на меня, затем опять на бирку. В итоге, он останавливается на списке.

Не припомню, чтобы она делала так раньше.

— Хм, Баквит?

Дождавшись моего кивка, она продолжат:

— Так, хорошо. Ты – кузнец!

Вздрагнув, я прижимаю уши почти к самой гриве:

— Вы уверены? Не фермер?

Она вновь опускает копытце на список, закреплённый в планшете. Оно движется от колонки с именами к колонке с назначениями.

— Нет, ты кузнец. Знаешь, куда идти?

— Да, мне уже доводилось бывать им раньше.

Я разворачиваюсь и ухожу, позволяя другому пони занять моё место. Нет смысла задерживать целый посёлок.

Тот, кто был кузнецом до меня, забыл убрать за собой. И вот, вместо того, чтобы сразу разжечь горн, я трачу первый час своего рабочего дня на то, чтобы отчистить молоты, долить воду в бочки, смазать мехи, убрать золу и выскрести металлические опилки из пресса. Это лёгкая работа, и за час до заката я вновь выполняю её, причём без всякого раздражения.

Однако, вчерашнему кузнецу стоило бы сделать всё это перед уходом. Я помечаю себе поговорить с мэром, как только выясню, кто он сегодня.

Быть кузнецом не так трудно, как кажется. Просто-напросто, нужно докрасна накаливать железо в горне, вытащить его (с осторожностью!) клещами из огня, а затем лупить по нему молотом, пока оно не примет необходимую форму. Приятно думать, что за все эти годы мой навык кузнечного дела заметно порос.

Я разглядываю лежащий передо мной бесформенный диск изъязвленного металла. Он не совсем той формы на которую я рассчитывал, да и края кое-где разорваны. Больше всего он похож на неудавшийся блин или, возможно, пепельницу.

Что ж, более-менее получилось. Я кладу эту штукину на прилавок магазина.

— Вот ваше блюдо, сэр, — говорю покупателю — земному пони желто-коричневой масти.

Некоторое время он, в полной тишине, пристально разглядывает моё творение.

— Лады, — наконец произносит мой клиент.

Бросив на прилавок несколько монет, он удаляется вместе со своей покупкой.

Изредка, где-то раза два в год, кузнецом становится Игнис и создаёт для нас всевозможные шедевры из железа и стали. Плуги, подковы, целые бочонки гвоздей; в этот день всё получается идеально.

Наковальня просто поёт, когда она бьёт по ней своим молотом, и проходящие мимо пони останавливаются и устраивают давку, таращась на её виртуозную работу.

Но сегодня кузнец я.

Может быть, завтра я буду фермером.

Но если и нет – тоже неплохо.

Мой новый дом – маленькое бунгало в западной части посёлка. За ним тянутся вдаль целые акры пшеницы и ячменя, настоящее море колышущихся стеблей. Стоит весеннему ветру нежно коснуться их, воздух наполняется еле слышным шёпотом.

Я останавливаюсь, и какое-то время ощущаю себя капитаном корабля, стоящим на мостике и всматривающимся в бушующие волны.

Я помню, как делал эти борозды, когда меня в последний раз выбирали фермером. Была ранняя весна, и я топал по голому, безжизненному полю, таща за собой плуг. Каждый шаг был сражением с твёрдой почвой, словно я взламывал двери темницы, выпуская наружу новые ростки. Даже спустя несколько дней у меня всё ещё болели спина и ноги, и это было прекрасно.

Я поддаюсь потоку воспоминаний, позволяя им нести себя. Ветер тербит мою гриву, а аромат созревающих хлебов ласкает нос, словно аромат изысканных духов. Даже сейчас, спустя месяц, стебли растут стройными рядами, собственно, как я и планировал. Даже старания сотен моих односельчан, с копытами, растущими не из того места, не смогли стереть отпечаток моего таланта.

В этом вся наша деревня – семена гениальности, питаемые благими устремлениями, вырастают во что-то хилое, но любимое.

Но хватит предаваться воспоминаниям. Я вздыхаю и толкаю дверь своего нового дома, где меня уже ждёт юный жеребёнок. Кажется, я узнаю его лимонную шёрстку. Через несколько секунд я говорю:

— Сэфрон... Спарк?

— Сэфрон Ларк, — поправляет он, после чего подбегает и, подпрыгнув, обнимает всеми четырьмя ногами.

— Добро пожаловать домой, папа! Мама готовит ужин.

Я прохожу в следующую комнату, оказавшуюся кухней и, конечно, кобылка цвета лайма хлопчет над сковородкой. Я улыбаюсь совершенно искренне – первый раз за весь этот день. Гленмор уже бывала моей женой раньше, и сейчас, судя по запаху, она готовит картофельную запеканку.

Она подходит и целует меня в щёку.

— Добро пожаловать домой. Баквит, да? Как прошёл день?

— Неплохо.

И это правда.

Я надеялся, что усну рядом с женой, но вместо этого просто лежу в темноте. Иногда такое случается.

В полутьме я смутно вижу прямоугольник фотографии в рамке, стоящей, как страж на прикроватной тумбочке.

Завтра, когда меня определят в новый дом, это будет единственная вещь, которую я возьму с собой и поставлю на тумбочку у своей новой кровати. И усну, глядя на неё.

Это то, что разрешается всем – одна единственная вещь, напоминающая о том, из-за чего каждый из нас пришел в посёлок. Наша единственная связь с прошлым.

Для Гленмор, тихо посапывающей рядом, это золотой медальон в форме скрипичного ключа. Возможно это кютимарка, но не её. Она носит его на шее, и иногда, когда думает, что я не вижу, прикасается к нему копытцем.

Говорят, со временем потребность держать эти вещи при себе исчезнет. Однажды я оставлю это старое фото, и мой переход к новой жизни завершится.

Снаружи, облако, закрывающее луну, продолжает своё медленное путешествие по небу. Серебристый свет вновь сияет сквозь окно спальни, и на нашем одеяле появляются бледные тени. Становится достаточно светло, чтобы разглядеть кобылку, улыбающуюся мне с фотографии, её белоснежные зубы и тёмно-зелёную шёрстку и вечно сияющие глаза. Позади, словно могучие деревья, высятся башни Кантерлота.

Пони, посещающие наш посёлок, с недоумением спрашивают, как это у нас получается? Как вообще мы можем вынести подобное – каждый день полностью менять всю – вообще всю – свою жизнь? Как мы ещё не сошли с ума?

Эти пони никогда не испытывали настоящих страданий. Им не приходилось, спотыкаясь и ничего не видя перед собой, уходить из собственного дома, даже не слыша, как врач кричит что-то вслед. Они не хоронили жену и мертворожденного жеребёнка в одном гробу.

Они никак не могут понять, почему возможность стереть своё прошлое притягивает нас словно магнит – железные опилки. Как она становится водоворотом, в который мы радостно бросаемся по собственной воле. Они не могут понять такой ненависти к собственному «Я».

Эти пони никогда не страдали. Если бы страдали, возможно, они смогли бы понять то утешение, что мы обретаем здесь, где каждый пони может быть кем угодно. Где я никогда не потеряю ни жену, ни жеребёнка, ни дом, ни друзей, поскольку, что бы ни случилось, всегда найдется кто-то или что-то, и займёт опустевшее место. Где я – всего лишь капля дождя, упавшая в реку и плывущая по течению вместе с мириадами совершенно таких же, дальше и дальше, прямо в центр водоворота.

Я здесь и мне это нравится.

Может быть, завтра я буду фермером.

Спринг Хис

Я снова в Филлиделфии, и Катрфойл жив, и это невозможно.

Мы завтракаем в нашем любимом кафе «маленькая Пранция», одно из тех, где сидячие места есть только на веранде, да и то вокруг старых железных столиков.

Должно быть, недавно прошёл дождь, ведь тротуар вокруг сырой и тёмный, но небо над нами чистое, и утреннее солнце выглядывает из-за ряда изящных особняков, стоящих по сторонам городских улиц.

Закончился утренний час пик, и они полны туристов и шопоголиков, кочующих от витрины к витрине, воздух гудит от их болтовни. День, должно быть, учебный, вот почему не видно жеребят, шныряющих под ногами у взрослых или шлёпающих по лужам или пугающих птиц.

— Послушай, — говорит Катрфойл.

Его рог светится, и он опускает свою чашку кофе на блюдце.

— Я знаю, я говорил, что хочу подождать, но я долго думал и...

Нежный толчок в плечо вырывает меня из сна. На мгновение я прихожу в замешательство, не понимая, где я и что сейчас за день, или почему я в постели с непривычно пахнущим жеребцом, ласкающим своим носом мою гриву. Воспоминания тают во тьме, и я замираю, глядя на грубую деревянную стену, пытаюсь снова понять, кто я есть.

И понимание приходит с внезапностью корабля, налетевшего на рифы. Путь длиною в годы, что привёл меня сюда, в странную постель в чужом доме, с незнакомым жеребцом, уютно свернувшимся позади. Наши тела сплетены, еле видимые в слабом предрассветном свете, пробивающимся сквозь тени.

Жеребец издаёт тихий звук, исполненный робкой надежды, и я, наконец, возвращаюсь в реальность.

Баквит – вот как его зовут. *Баквит, который хочет быть фермером* проводит своим копытом по моей спине и крупу до самой кютимарки, и на мгновение я поддаюсь его ласке. Он хороший жеребец, а прошлой ночью он был *очень хорошим жеребцом*, но сейчас покрывало грёз ещё лежит на моём сознании, и мне не нужно ничего, кроме ещё нескольких минут сна.

Он понимает намёк. Я чувствую, как он слезает с постели, и мною снова овладевает дремота.

Спустя двадцать с чем-то минут я всё ещё сплю, чего нельзя сказать о моём мочевом пузыре, так что приходится вставать. Простыни пропахли Баквитом. Глубоко вдохнув напоследок этот запах, выползаю из кровати и плетусь в смежную уборную по своим утренним делам.

Когда я заканчиваю, сильный аромат свежесваренного кофе уже наполняет весь дом и я, следуя за собственным носом, спускаюсь по лестнице в поисках его источника. Баквит сидит за столом, прихлёбывая из растрескавшейся чашки, и когда наши взгляды пересекаются, указывает на другой край стола, где уже стоит отодвинутый стул. Там ждёт меня другая чашка – зелёная, тоже потрескавшаяся и потёртая, но даже в неярком утреннем свете я вижу поднимающийся над ней парок.

Я посылаю ему самую тёплую улыбку из всех, на которые я способна до полудня и усаживаюсь на стул, держа чашку двумя копытцами, чувствуя, как её тепло просачивается в мои кости. Кофе восхитительный, чёрный и горький, и на несколько минут единственным звуком для нас остаётся лишь слабое тиканье часов где-то в доме.

Думаю, я смогла бы полюбить это. Научилась бы любить Баквита, и каждое утро могла бы спать на несколько минут дольше, пока он варит нам кофе. Мы могли

бы, вот так, сидеть здесь, в мирной предрассветной тишине, медленно собирая силы, чтобы встретить лицом к лицу наступающий день.

Что бы сказал Баквит, если бы я поделилась с ним этой нелепой мечтой? Высмеял бы, приняв за шутку?

Я уже почти набираюсь смелости заговорить с ним, но он ставит опустевшую чашку на стол, встает и легонько целует меня в щёку, затем поворачивается к двери.

— Десять минут до начала общего собрания, — говорит он, — там, может быть, и увидимся.

— Угу, может быть, — отвечаю я.

«Может быть». В нашем посёлке это универсальный ответ на любой вопрос. Может быть, мы встретимся за ужином. Может быть, я люблю тебя. Может быть, я увижу тебя снова. Это безопасные слова, одни из тех, что не налагают на пони лишней ответственности. Это абсолютное выражение того чистилища, в котором мы пребываем.

Я допиваю кофе, мою чашку и выхожу из дома вслед за своим мужем, нынешним и грядущим.

Я прихожу в школу за пять минут до звонка. Рэдиш Лиф, с целой кучей планшетов в копытах, встречает меня у входа. Его грива всклокочена, а очки, еле держащиеся на носу, того и гляди свалются, если он будет мотать головой слишком быстро.

— Утречка, Спринг Хис! — тепло приветствует он меня, несмотря на явный стресс от своей новой работы.

Быть директором школы – или, на самом деле, любым руководителем в нашем посёлке – труд тяжёлый и неблагодарный.

— Что тебе досталось?

— Начальные классы.

В нашей школе всего четыре учительских места, и я побывала на каждом из них. Это славная, но утомительная работа. Боюсь, что когда я вернусь домой, моих сил хватит лишь на то, чтобы рухнуть на кровать. Надеюсь, мой муж поймет это.

— Хорошо, хорошо.

Верхний планшет светится в магическом поле и плывёт ко мне.

— Это учебный план на сегодня. Наслаждайся!

— Может быть, — отвечаю я.

Поток жеребят уже движется мимо, направляясь в классы, и я следую за ним.

Я вхожу в класс. Юная кобылка, которую я когда-то называла дочерью, сидит за первой партой. Я улыбаюсь ей, точно так же, как и всем остальным жеребятам, и поворачиваюсь к доске, чтобы написать на ней мелом своё имя.

— Доброе утро, класс! — говорю я, продолжая писать, — меня зовут Спринг Хис, и сегодня я буду вашим учителем.

— Доброе утро, миссис Спринг Хис! — нестройным хором, громко отвечают жеребята.

По крайней мере, они относятся с большим энтузиазмом, чем я, к тому, что их разбудили в такую рань.

— Сегодня мы будем изучать деление столбиком.

Я делаю паузу, просматривая заметки, оставленные в блокноте вчерашним учителем.

— Но сначала каждый ученик достанет своё домашнее задание и передаст его мне на стол.

День пролетает быстро. Что-то, окружающее жеребят, придаёт мне энергии, словно сама близость к их юности восполняет потерянные годы. Я ловлю себя на том, что улыбаюсь без причины и смеюсь вместе с ними.

Достаточно быстро мы заканчиваем с делением в столбик и переходим к всемирной истории, а затем к грамматике и естествознанию. Последним уроком у нас оптика, и мы проводим несколько оставшихся до звонка минут, обсуждая, как из мельчайших капелек воды получаются радуги.

Звенит звонок, и я представляю, что могла бы перевести стрелки часов назад хоть бы на час, или подделать документы распорядителя о завтрашнем распределении, и снова попасть в начальную школу.

Получение одним и тем же пони одинакового назначения два раза подряд не является чем-то неслыханным – даже исходя из теории вероятности, это должно случаться с кем-то время от времени. Никто и глазом не моргнёт, если завтра я снова вернусь сюда.

Я так размечталась, что чуть не упустила свой шанс.

— Петуния!

Кобылка, которую я когда-то называла дочерью, останавливается в дверях, с удивлением повернувшись ко мне. Шепнув что-то своим друзьям, она рысит в мою сторону.

— Да, миссис Спринг Хис?

Я медлю с ответом столько, сколько возможно, просто глядя на неё и упиваясь этим. С того дня, когда я последний раз была учителем, она подросла: сегодня её грива забрана в косички, а ярко красная лента повязана вокруг основания хвоста. На фоне её бледно-розовой шёрстки она смотрится вызывающе, почти кричаще.

— И... — откашливаюсь я, — извини, я просто хотела узнать, как у тебя дела.

— М-м, всё в порядке, — она запинаясь и опускает взгляд на свои копытца.

— А как вы?

— Хорошо.

В нашем посёлке это единственный ответ на подобный вопрос. Как же может быть иначе?

— Ладно. Эм-м, может быть, увидимся завтра?

— Может быть, — отвечаю я.

Она поворачивается к двери и почти уходит, когда я продолжаю:

— Знаешь, ты похожа на своего отца.

Она удивлённо моргает:

— Я, что?

Интересно, о каком пони она сейчас думает? О жеребце, который вчера укрывал её одеялом перед сном и готовил ей завтрак сегодня утром? И интересно, хочу ли я вообще это знать?

— На другого отца, — говорю я. — Прости, что заставила твоих друзей ждать. Просто иногда я думаю о тебе.

— О, — она бросает быстрый взгляд в сторону двери и переставляет копытца. — Почему?

Я обнаруживаю, что у меня нет ответа на этот вопрос. Во всяком случае, из тех, которыми я могла бы поделиться. В это время Петуния уходит.

Когда я возвращаюсь домой, меня никто не ждёт. Согласно маленькой записке, приклеенной к двери, сегодня я ночую одна. Ни мужа, ни жеребят.

Это прекрасно, не надо готовить семейный ужин или развлекать незнакомого жеребца, чей интерес может и не ограничиться гривой. Иногда я мечтаю почаще оставаться одной, но затем вспоминаю недооценённое многими робкое безмолвное наслаждение – просыпаться рядом с другим пони, греться в его тепле, часами лежать в полудрёме, слушая стук его сердца.

Когда я гашу свет и заползаю под одеяло, начинаю гадать, в какой семье сейчас Петунья. Я думаю, вдруг её сегодняшний отец – Баквит, и сейчас он укладывает её спать. И кто сегодня, интересно, её мать.

Они утверждают, что после нескольких лет, проведённых в посёлке, мы забудем наши старые жизни. Мы оставим все безделушки, принесённые с собой, то единственное, что ещё связывает нас с прошлым. Мы оставим их, как мотылёк оставляет свой кокон. Станем частью единых серых шеренг, протянувшихся сквозь мглу.

Семь лет минуло с тех пор, как однажды, страшной апрельской ночью, я прибыла сюда с пронзительно кричащим крошечным жеребёнком, привязанным к спине – всем, что у меня было.

И четыре года прошло с тех пор, как я оставила мою «безделушку», мою последнюю связь с прошлой жизнью, мою Петунью.

Прошное уже давно должно было оставить меня в покое.

Но, вместо этого, я представляю, что Катрфойл со мной. Он обнимает меня, и мы тихо отходим ко сну.

Гленмор

Я просыпаюсь за несколько секунд до звонка будильника. Кровать холоднее, чем могла бы быть и, к тому же, слишком плоская. Под простынями, рядом со мной, никого нет, никакого пони, чей вес заставил бы прогнуться жесткую поверхность дешевого матраса, а меня – прилечь ближе. К моей спине прижимался бы какой-нибудь жеребец или кобылка, но я одна, и она мёрзнет.

Такое иногда случается. Распорядитель решает, что некоторые пони, живущие в посёлке, должны провести эту ночь в одиночестве, и вместо того, чтобы по воле

жребия образовать пары, мы остаёмся предоставлены сами себе. В одни из таких ночей я отправляюсь на поиски такого же несчастного и дарю себе то, что не дал мне посёлок. Но остальные одинокие ночи заканчиваются как эта, и я просыпаюсь одна, и рядом нет никого, чьё тепло помогло бы задержать моё саморазрушение.

Это не так уж плохо. Но немного зябко, и я укрываюсь с головой, пока чувство тревоги не оставляет меня.

Так или иначе, я просыпаюсь. Дальнейшее уже не столь интересно.

— Гленмор!

Распорядитель называет моё имя и с улыбкой смотрит, как я подхожу. Я одна из последних, и как только она отпустит оставшихся, на несколько следующих часов её труды будут окончены. Она достойна этого отдыха: распорядитель, это пони, встающий утром раньше всех и проводящий долгие предрассветные часы, распределяя профессии, семьи и дома между жителями посёлка.

— Доброе утро, Шэми, — говорю я, — есть для меня что-нибудь подходящее?

— Может быть.

Она проводит кончиком копытца вдоль строки с моим именем:

— А! Сегодня у тебя выходной.

Я вздрагиваю:

— Дай угадаю...

Она кивает и слегка улыбается:

— Да, ты завтрашний распорядитель. Извини.

Я махаю копытцем:

— Ничего. Несколько раз мне уже приходилось им быть. Да и здорово получить дополнительный выходной.

Этот выходной – традиция. Нет работы тяжелее, чем у распорядителя. Сотни пони, живущих в посёлке, делают всё возможное, чтобы наша храбрая маленькая община функционировала нормально, но неизбежно возникают всевозможные проблемы. Некоторые из них разрешает мэр, но всё, что касается будущих распределений – забота распорядителя и её жребия. Она – единственная пони в посёлке, кто меняет нас, решает, кто мы есть и что мы делаем. В её копытце – все наши жизни.

Шэми, расчёсывая гриву, убирает с лица непослушную прядь.

— Думаю, я пойду сейчас домой и завалюсь на несколько часов. В первый раз, понимаешь?

— Ты молодец. А вторая половина дня будет гораздо легче.

После обеда Шэми обойдет весь посёлок, раздавая указания насчёт конца дня. Распорядитель никогда не говорит пони, кто будет их новым супругом или супругой – они должны обнаружить это сами, придя вечером домой.

— Рада это слышать.

Шэми кивком подзывает двух пони, ожидающих назначения. Я стою с терпением той, у кого впереди целый свободный день.

— Итак, что-нибудь планируешь?

— Может быть.

Я вспоминаю тот день, когда у меня последний раз был выходной.

— Уверена, я что-нибудь придумаю.

Универсальный магазин нашего посёлка необычайно разнообразен. Он и должен быть таким. Пони, живущие здесь, собрались со всей Эквестрии, а взять с собой они могли лишь что-то одно, да и то – на память. И больше никакого багажа, собственности, сувениров, безделушек или мебели. Это запрещено.

Каждый дом в посёлке хорошо укомплектован всем, что необходимо пони для жизни и даже кое-чем ещё. Пожитки, накапливающиеся в жилищах – произведения искусства, одежда, кухонная утварь – каждое утро остаются позади, стоит лишь их владельцам покинуть свои дома. Этот скарб медленно скапливается до тех пор, пока раз в месяц весь посёлок не устраивает себе выходной, чтобы выкинуть его прочь и вернуть свои жилища в первоначальное состояние. В этом помогают даже жеребята, несмотря на то, что как раз они-то постоянно живут в своих домах. Меняются только их родители.

Весь этот мусор нужно куда-то девать. Просто сжечь было бы слишком расточительно, и вместо этого, он в итоге оказывается в, не к месту кем-то так названном, «универсальном магазине». С годами он стал чем-то вроде кровного родственника товарного склада, забитого всевозможным добром. Но в течение месяца он потихоньку пустеет, так как пони выкупают назад свои пожитки, лишь для того, чтобы однажды утром снова оставить их в чужом доме.

Именно в этот магазин я и направляюсь. Помахав продавцу, я сразу прохожу к прилавку.

Моя концертная скрипка там же, где и всегда. Ни один пони в городе никогда даже не прикасался к ней, несмотря на то, что три фольклорные скрипки, стоящие позади неё, выглядят так, будто их никогда не выпускали из копыт. Строго говоря, между ними нет особой разницы, разве что моя ещё хранит тёплый лаковый отблеск, а другие поблёкли и вытерлись почти до голого дерева. Некоторое время я смотрю на них, вспоминая, когда в нашем посёлке последний раз устраивали настоящий концерт, затем пожимаю плечами и беру свой инструмент и смычок.

Продавец почти не смотрит на меня из-под своего журнала, когда я, удаляясь, бросаю несколько бит на прилавок.

Я устраиваюсь в городском сквере позади старого фонтана, когда-то струящегося водой, но теперь заросшего грязью и цветущими растениями. Нет такого назначения для жителей посёлка – ухаживать за этим импровизированным садом, но каждую неделю или около того, проходя мимо я вижу его выровненным и подстриженным, с новыми цветами, посаженными вместо отцветших. Хобби каких-то неизвестных пони, слабое эхо их прошлой жизни, как для меня – музыка.

На то, чтобы настроить скрипку и проиграть на ней несколько основных гамм, уходит около часа. Когда-то я была виртуозом, но годы, проведённые в посёлке, притупили мой талант. Сейчас это лишь останки того, что я взрастила, ещё будучи юной кобылкой. Его достаточно, чтобы играть на улице, но в концертные залы Филлидельфии меня вряд ли когда-нибудь пригласят.

Впрочем, оно и к лучшему. Это чувство взаимно.

Чтобы разогреться, я играю по памяти несколько медленных этюдов. Эти песни больше похожи на упражнения, чем на настоящее искусство, но и их достаточно для того, чтобы проходящие мимо пони начали останавливаться. Большинство из них не имеют никакого представления о музыкальной культуре, но и они могут оценить мастерство исполнения. Некоторые из них даже улыбаются, следуя мимо меня по своим делам.

Я играю более сложный вальс, и уже на полпути к окончанию, замечаю небесно-голубую кобылку, присевшую в нескольких метрах от меня. Она старше, чем я, вокруг глаз у неё едва заметные морщинки. Но её улыбка будто снимает с её плеч груз прожитых лет. Я улыбаюсь в ответ и заканчиваю вальс на несколько тактов раньше.

— Доброе утро, Хайаннис, только не говори, что у тебя тоже выходной.

— Я работаю кассиром в банке, — отвечает она, — но сейчас обеденный перерыв, если ты не в курсе.

Я оглядываю сквер, удивляясь количеству пони. Многие из них расположились у фонтана, держа в копытах пакетики с едой, наслаждаясь тёплым весенним воздухом и моим импровизированным концертом. Оказывается, совершенно незаметно для меня, подкрался полдень.

— Ну, это объясняет, почему я так проголодалась, — говорю я.

Из своих седельных сумок Хайаннис выуживает пару яблок и протягивает одно из них мне. Мы мирно хрустим ими, не обращая внимания на сок, обильно стекающий по подбородкам. Даже единороги, такие как Хайаннис, научились не замечать подобные пустяки, прожив несколько лет в обществе, состоящем, в основном, из земных пони.

— Ну, — наконец говорит она, — получилось?

Я качаю головой:

— Ещё нет.

Она придвигается вплотную, тесно прижимаясь своим боком, и обнимает меня за плечи:

— Прости. Ты виделась с врачом?

— На следующей неделе.

Сегодня вечером, где-то среди всяких, уже моих бумаг, я откопаю маленькое распоряжение от Шэми, гласящее, что у меня есть право на посещение Кедрвилля, цель – визит к врачу. В нашем посёлке нет собственного доктора. Мы не настолько глупы, чтобы включить эту профессию в ежедневную рулетку. Вместо этого, мы сами едем к нему или доверяемся нескольким бывшим солдатам, ещё сохранившим медицинские навыки. Они присоединились к нам после какого-то военного конфликта.

Хайаннис кивает головой:

— Думаю, он скажет тебе, что в этом нет ничего страшного и посоветует стараться дальше. У меня годы ушли на то, чтобы забеременеть третьим.

Я пытаюсь улыбнуться ей. Знаю, она хочет меня обнадежить, и я должна была успокоиться после её слов. Вместо этого, меня бросает в дрожь, и я вспоминаю одну очень простую, но страшную истину – у всех пони, прибывающих в посёлок, имеется на это веская причина.

У Хайаннис всего один жеребёнок.

Я играю на скрипке ещё несколько часов, и мое хорошее настроение потихоньку возвращается. Не в последнюю очередь благодаря улыбкам пони, слушающим мою музыку. Напоминание о прошедших днях.

Шэми находит меня, когда солнце начинает медленно клониться к горам. У неё пара холщовых седельных сумок, свисающих по бокам. Она отстёгивает их, и со вздохом облегчения опускает на землю рядом со мной.

— Вот, это всё твоё, — говорит она, — уффф, да чтоб ещё хоть раз...

— Не говори так, а то сглазишь.

Весь наш посёлок верит, что если вслух скверно отозваться о своей сегодняшней работе, то завтра обязательно её же и получишь.

— Подумаешь! У меня завтра выходной. Это уже внесено во все бумаги.

Шэми крутит шеей, пока она не щёлкает, затем издаёт лёгкий стон:

— Ох, так-то лучше.

Я водружаю на себя сумки и начинаю упаковывать скрипку.

— Попроси своего мужа сделать массаж спины. Это поможет, — говорит бывший распорядитель.

— Хм, ужин, массаж, сон. Практически готовый план.

Она трётся щекой о мою:

— Прости за завтрашний день, за то, что взвалила всё это на тебя.

Я дружелюбно тыкаюсь в неё носом:

— Ну кто-то же должен. Немного отдохни, а завтра мы снова увидимся.

Я прихожу в своё новое жилище и вываливаю содержимое сумок на стол в кабинете. Дом распорядителя больше, чем большинство других, с дополнительной комнатой, хранящей тысячи бумаг, которые и позволяют посёлку нормально функционировать. Папки, заполненные документами за целые десятилетия, выстроились вдоль стен. Там, где-то среди них, и моя, с именем и кютимаркой на обложке.

Некоторые пони, избранные распорядителями, часами копаются в архивах. Этакое подглядывание за прошлой жизнью своих друзей и соседей. Все детали, которые когда-то делали нас особенными и уникальными, ныне оставлены позади и забыты, их следы остались лишь в смутных глубинах нашей увядающей памяти и бумагах вокруг меня.

Да, это может увлечь.

Но я никогда не проявляла подобного интереса. Оставляю папки позади и отправляюсь на кухню готовить ужин.

К возвращению из школы моего нового сына, Сэфрон Ларка, я почти закончила с картофельной запеканкой. Он обнимает меня и шустро убегает наверх – делать уроки. По какой-то странной причине, это вызывает у меня чувство гордости.

Час спустя, ужин почти готов, я сижу за столом и слышу звук открывающейся двери. Сэфрон Ларк бежит приветствовать моего мужа, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть, кто он, гадая, узнаю ли я его?

Узнаю, но смутно. Коричневая шёрстка, грива цвета дубовой коры, кьютимарка в виде снопа колосьев. Я подхожу ближе и целую его в щёку:

— Добро пожаловать домой... Баквит, верно? Как прошёл день?

— Неплохо.

Он нюхает воздух:

— Картофельная запеканка?

— Она самая. Надеюсь, ты не против?

Конечно, судя по его улыбке, он не против. Я зову Сэфрон Ларка, и мы все вместе садимся за стол, чтобы поужинать и узнать друг у друга, как прошёл день.

Уже поздно, я лежу поверх одеяла, с папкой, раскрытой передо мной. Мои копытца и губы запачканы чернилами, и я уже почти слышу, как подушка зовёт меня к себе. Баквит с Сэфрон Ларком: муж читает сыну сказку на ночь, и вот, уже второй раз за сутки, я в постели одна.

Но, к счастью, этот день ещё не закончился. Чуть скрипнув, открывается дверь, и Баквит, неслышно ступая, пересекает комнату. Он взбирается на кровать, отчего та ощутимо прогибается. У меня вырывается тихий стон, когда жеребец начинает игриво покусывать мою гриву, приводя разбежавшиеся прядки снова в

порядок и попутно делая прекрасный массаж. Интересно, сегодняшний муж Шэми способен на что-то подобное?

— Ну что, это всё? — спрашивает он.

Его голос заглушает моя грива, но слова ещё можно разобрать.

— Может быть. Зависит от того, что ты имеешь в виду.

Я легонько дёргаю хвостом, на случай, если моей интонации недостаточно, чтобы показать, чего я хочу.

Как оказалось, Баквит понятлив. И внимателен. И нежен. Засыпая, я помечаю себе изменить одну строку в завтрашнем реестре назначений.

Надеюсь, ему понравится быть фермером.